На правах рукописи

ШКАПЕНКО Татьяна Михайловна

ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ИНТЕРЪЕКТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

10.02.01 – русский язык
10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Калининград

2017

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор **Шаронов Игорь Алексеевич** (ФБГО «Российский государственный гуманитарный университет», профессор кафедры русского языка)

доктор филологических наук, профессор **Кирилина Алла Викторовна** (ОЧУ ВО «Московская международная академия», проректор по научной работе)

доктор филологических наук, доцент **Ефремов Валерий Анатольевич** (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», профессор кафедры русского языка)

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Защита состоится 13 апреля 2018 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул.Чернышевского, д.56-а, ауд. 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Балтийского федерального университета: https://www.kantiana.ru/postgraduate/dis-list/218232/

Автореферат разослан “____” _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета А.Н. Черняков

Реферируемое исследование посвящено изучению интеракционально-прагматических функций междометий как культурно-семиотических маркеров, предопределяющих эмоционально-ценностные ориентации и поведенческие стереотипы представителей различных этнокультур. Исследование осуществляется на материале заимствованных современным русским языком англо-американских интеръективов, рассматриваемых в широком контексте взаимовлияния когнитивно-семиотических, прагматических, лингвокультурных и этнопсихологических факторов.

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX века ознаменовались радикальными изменениями в формах существования человечества. На смену множеству идеологических, общественно-экономических и лингвокультурных идентичностей, реализуемых в рамках отдельных государственных образований и культурно-языковых социумов, пришла тяготеющая к монополярности модель, получившая название глобализации. Под языковой глобализацией понимается процесс проникновения системы одного доминирующего языка в системы языков мира, в результате которого изменениям подвергаются лексический, грамматический и синтаксический уровни языка[1].

Если заимствование единиц вышеуказанных трех уровней является хорошо известным и изученным процессом, то наблюдаемый с конца 90-х годов XX столетия лингвистический феномен массового усвоения различными национальными языками англо-американских междометий представляет собой беспрецедентное в истории взаимодействия языков и культур явление, уникальность которого состоит не только в масштабности, но и в качестве интеръективных заимствований.

На протяжении многих столетий сформировавшийся в каждом языке репертуар первообразных междометий демонстрировал свою устойчивость и самодостаточность, полностью обеспечивая потребности каждого последующего поколения в лингвистических средствах экстериоризации эмоциональных переживаний. На этноспецифичность и закрытость данного класса интеръективов от внешних языковых воздействий обращают внимание многие российские и зарубежные исследователи (Е.В. Алференко, Н.А. Гостемилова, Е. Ю. Кустова, Г. И. Петращук, А. Вежбицкая, К. Годдард и др.). Л. П. Крысин характеризует первичные междометия как «наиболее специфичную и консервативную часть национального языка»[2]. Герметичность и непополняемость интеръективного фонда рассматривается в качестве одного из отличительных признаков первичных междометий в работах И.А. Шаронова, И.И. Скачковой, Л.К. Парсиевой и других лингвистов.

---

[1] Долгова Т.В. Влияние языковой глобализации XX—XXI веков на формирование русской терминологии дизайна одежды и моды // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XLII междунар. науч.-практ. конф. № 11(42). Новосибирск: СибАК, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sibac.info/conf/philolog/xlii/39921 (дата обращения 15.03. 2017).

[2] Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии». М.: Изд-во «Знак», 2008. С. 30.

С началом глобализационных процессов границы ранее замкнутой группы нарушаются и многочисленные англо-американские интеръективы проникают в ранее закрытый для внешних влияний сегмент современного русского языка. В национальный междометный репертуар, характеризуемый В.В. Виноградовым как «обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов»[3], активным образом внедряются первичные (*вау, йес!, упс*) и вторичные (прямые и калькированные) англо-американские интеръективы.

На сегодняшний день феномен интеръективной глобализации не получил научно-теоретического осмысления в отечественной и зарубежной лингвистике. Отсутствие научного интереса к процессу заимствования междометий можно объяснить недостаточным вниманием ученых к классу единиц, не обладающих концептуальным содержанием. Если проникновение англо-американских слов в современный русский язык рассматривается с точки зрения «импорта» лингвоконцептов и трансляции фрагментов инокультурной картины мира, то отсутствие у интеръективов логико-предметного содержания становится предпосылкой для убежденности в том, что их вхождение в речевые практики носителей русского языка не вносит никаких значимых изменений в принимающую лингвокультурную среду. Большинство российских лингвистов рассматривают проникновение англо-американских междометий в русскую речь как беспрецедентное в истории заимствований явление, свидетельствующее о непритязательном «языковом вкусе эпохи», однако не заслуживающее серьезного научного изучения. В результате лингвистический анализ зачастую подменяется эмоциональной критикой.

Актуальность данного исследования определяется:

- отсутствием единообразной, внутренне непротиворечивой теории междометия, основанной на признании его особой онтологической сущности по отношению ко всем другим знакам, образующим лингвосемиотическую систему;

- необходимостью и перспективностью теоретического осмысления лингвистического феномена заимствования англо-американских междометий с точки зрения когнитивно-семиотических, интеракционально-прагматических и лингвокультурных функций, выполняемых ими в процессе трансляции американской культурно-поведенческой матрицы взаимодействия индивида с внеязыковой действительностью;

- неизученностью процесса семиозиса заимствованных интеръективных знаков в принимающей лингвокультурной среде.

Объект исследования составили заимствованные современным русским языком англо-американские первичные и вторичные междометия. Особый акцент ставится на изучении первообразных эмотивных междометий как не имеющего лингвистических прецедентов явления в опыте взаимодействия языков и культур.

---

[3] Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. С. 611.

Предметом исследования являются:

- типологические характеристики междометий как особого онтологического класса языковых знаков;

- механизмы интродукции и семиозиса заимствуемых интеръективных знаков в принимающей лингвокультурной среде;

- когнитивно-семиотические, прагматические и лингвокультурные характеристики процесса заимствования англо-американских интеръективов;

- моделирующая роль заимствованных интеръективов в процессе формирования аксиологических и культурно-поведенческих установок носителей принимающего языка.

Цель исследования – представить системное описание интеракционально-прагматических функций междометий как культурно-семиотических маркеров, предопределяющих эмоционально-аксиологическую матрицу поведения представителей различных этнокультур на материале англо-американских интеръективов, заимствованных современным русским языком.

Основная гипотеза, подтвердившаяся в результате предпринятого исследования, состоит в том, что если заимствуемая из американского варианта английского языка денотативно-содержательная лексика представляет собой средство трансляции лингвокультурных концептов и вызывает изменения в концептуальной картине мира, то прагматические функции заимствованных междометий состоят в формировании коррелирующих с перенимаемой моделью мировидения эмоциональных рефлексов и культурно-поведенческих стереотипов, обеспечивающих ее успешное внедрение и функционирование в языковом сознании носителей принимающего языка.

Для достижения поставленной цели и подтверждения выдвинутой гипотезы в рамках исследования были определены **задачи**, объединенные в соответствии с выделяемыми аспектами в три группы:

1. Задачи, связанные с выработкой основных теоретико-методологических положений исследования, направленных на создание новой, интеракционально-прагматической теории описания междометий:

- проанализировать основные парадигматические подходы к изучению междометий в отечественной и зарубежной лингвистике;

- обосновать необходимость применения семиотической методологии для создания целостной, внутренне непротиворечивой интеракционально-прагматической теории междометия;

- выявить онтологическую сущность интеръективных единиц как особого типа лингвистических знаков;

- определить основные принципы типологизации междометий в рамках сформулированного принципа дихотомии интеракционально-прагматического и дескриптивного знаков;

- охарактеризовать явление интеръективации как тип семиотической конверсии.

2. Задачи, связанные с разработкой основных принципов эмпирического исследования семиозиса заимствуемых языковых знаков в динамике их функционирования в системе принимающего языка:

- проанализировать различные подходы к изучению языка как семиотической системы;

- разработать принципы эмпирического исследования семиозиса заимствованных языковых знаков;

- выявить на основе полученных в ходе эмпирического исследования данных разницу в механизме интродукции и освоения принимающей лингвокультурной средой дескриптивных и интеракционально-прагматических знаков;

- описать типы когнитивных операций, лежащих в основе функционального семиозиса заимствованных дескриптивных и интеракционально-прагматических знаков.

3. Задачи, связанные с изучением прагматических и лингвокультурных функций, выполняемых англо-американскими междометиями в процессе их заимствования современным русским языком:

- описать англо-американские интеръективы как объект исследования зарубежной и российской филологии;

- проанализировать данные двукратного анкетирования носителей современного русского языка (2010 и 2017 гг.), направленного на выявление особенностей семиозиса заимствованных междометий в принимающей лингвокультурной среде;

- провести сравнительно-сопоставительный анализ заимствованных англо-американских междометий с их приблизительными интеръективными аналогами в русском языке;

- осуществить анализ функционирования заимствованных междометий в различных речевых практиках носителей современного русского языка;

- выявить и описать характер прагматических функций, выполняемых заимствованными междометиями в контексте актуальной лингвокультурной ситуации.

Для достижения цели и решения задач исследования в работе использовались следующие **методы**: описательно-аналитический, когнитивно-семиологический, функционально-прагматический, контекстуальный, сравнительно-сопоставительный, социолингвистический методы, а также метод анализа словарных дефиниций и статистической обработки данных.

Кроме того, в работе применялся разработанный в целях анализа семиозиса заимствуемого знака эмпирический метод двукратного анкетирования носителей языка с определенным временным интервалом, позволяющий обнаружить динамику освоения заимствуемого знака носителями принимающего языка.

Материалом исследования послужили разнообразные источники, соответствующие областям функционирования изучаемых заимствований: записи аутентичных речевых интеракций в повседневном общении носителей современного русского языка, фрагментов из переводной американской и отечественной кинопродукции, диалогические срезы из развлекательных телешоу и рекламных телероликов, блогов, различные типы поликодовых текстов, созданных российскими Интернет-пользователями (Интернет-картинки, демотиваторы, мемы, Интернет-комиксы), а также размещенные в электронных ресурсах литературные тексты современных российских авторов с 2010 по 2017 гг.

Кроме собранного нами материала из вышеперечисленных источников, исследование опирается на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Составленная нами картотека (без учета примеров из НКРЯ) насчитывает 1550 диалогических срезов, содержащих изучаемые англо-американские междометия.

Теоретическую основу диссертации составили исследования:

- в области интерьективной проблематики (А.А. Потебня, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, С. Карцевский, В.В. Виноградов, Е.Ю. Кустова, И.А. Шаронов, Е.В. Середа, А. Вежбицкая, Ф. Амека, Д. Уилкинс, К. Годдард, Т. Уортон и др);
- лингвосемиотики (Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист, Р. Якобсон, Р. Эко, В. Дорошевский, М.В. Никитин, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова, Н.Б. Мечковская, Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, Н.Ф. Алефиренко, А.В. Кравченко, Г.В. Токарев и др.);
- лингвоглобалистики (Д. Кристал, Н. Купланд, А.В. Кирилина, Е. С. Гриценко, О.В. Одегова, А.Н. Долгенко и др.);
- прагмалингвистики (Г.П. Грайс, Дж. Серль, Дж. Остин, Дж. Лич, Д. Шпербер- Д.Уилсон, Д. Блэкмор, И.А. Сусов, В.И. Заботкина, В.В. Богданов и др.);
- интеракциональной лингвопрагматики (Дж. Гамперц, Э. Гоффман, О. Дюкро, М.М. Бахтин, А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова и др.);
- эмотиологии (К. Изард, Ю.Д. Апресян, В.И. Шаховский, Н.Ф. Дорофеева, Т.В. Ларина, Е. А. Михайлова и др.);
- лингвокультурологии и речевого этикета (Н.Ф. Алефиренко, В.И. Карасик, И.А. Стернин, В.А. Ефремов, В.М. Шаклеин и др.);
- теории заимствований (В.М. Аристова, Л.П. Крысин, О.Э. Бондарец, А.И. Дьяков, А.Ю. Романов и др.) и активных словообразовательных процессов в современном русском языке (Л.В. Рацибурская, Е.И. Коряковцева и др.).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые в качестве объекта исследования избираются заимствованные англо-американские междометия, изучение которых осуществляется с точки зрения когнитивно-семиотических особенностей процесса их интродукции в принимающую среду, протекания функционального семиозиса и характера прагматических функций, выполняемых заимствованными англо-американскими интерьективами в

процессе формирования новых эмоционально-оценочных, аксиологических и культурно-поведенческих стереотипов носителей современного русского языка.

Впервые выдвинут и обоснован принципиально новый теоретико-методологический подход к описанию междометий, в основе которого лежит сформулированный в работе принцип семиотической дихотомии дескриптивных и интеракционально-прагматических языковых знаков. Предложена и верифицирована оригинальная авторская методика эмпирического исследования функционального семиозиса заимствуемого знака на основе выполнения двукратного (n-кратного) анкетирования носителей принимающего языка с n-летним временным интервалом, создающая условия для изучения процесса усвоения заимствуемого знака в его непосредственной динамике.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что в нем разработана новая теория междометия, основанная на выдвинутом в работе принципе семиотической дихотомии «интеракционально-прагматический (междометие) / дескриптивный знак (остальные лингвистические единицы)». В рамках предложенной теории сформулирована универсальная дефиниция междометия как особого типа лингвистических знаков, осуществлена типология интеръективов как конкретных типов реализации прагматической интеракциональности, установлена принадлежность междометий к различным типам речевых актов, описан механизм перехода знаменательных частей речи в междометия как тип конверсии дескриптивного знака в интеракционально-прагматический знак.

Теоретическую ценность имеют сформулированные в работе положения о семиотической нетождественности междометий на уровне речепроизводства и речевосприятия; описание специфики когнитивных механизмов, лежащих в основе семиозиса заимствованных дескриптивных и интеракциональных знаков; выявление прагматических функций интеръективов как культурно-семиотических маркеров аксиологической и поведенческой матрицы членов различных этносоциумов.

Предложенные в работе теоретические решения и полученные выводы вносят вклад в развитие лингвосемиотики, прагмалингвистики, теории заимствований, лингвокультурологии и лингвоглобалистики.

Практическая ценность исследования состоит в том, что разработанная и верифицированная в нем процедура эмпирического наблюдения семиозиса заимствуемого знака в форме n-кратного, отсроченного по времени анкетирования носителей принимающего языка, может найти практическое применение в области получения опытных данных, характеризующих семиозис языкового знака в его реальной динамике.

Фактический материал диссертации и методика его анализа могут быть использованы в дальнейшем исследовании интеръективной проблематики, при разработке лекционных вузовских курсов по лингвосемиотике, этнолингвистике и лингвоглобалистике, спецкурсов по функциональной и коммуникативной грамма-

тике русского языка, теории речевого воздействия, а также в практике преподавания русского и английского языков как иностранных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Наблюдаемое в настоящее время массовое проникновение англо-американских междометий в современный русский язык не имеет лингвистических прецедентов. Впервые ранее замкнутая группа прототипических первообразных эмотивных междометий пополнилась за счет внешних заимствований. Вхождение этнокультурно чуждых междометий в русский интерьективный фонд приводит к изменениям в эмоционально-аксиологической и культурной матрице поведения носителей современного русского языка.

2. Междометия представляют собой особый тип лингвистических знаков, не предназначенных для выполнения заместительной функции вследствие их интеракционально-прагматической природы, заключающейся в непосредственном взаимодействии интерьективного знака с внеязыковой средой. Характерное для дескриптивного знака соотношение «означающего» (слова) и «означаемого» в междометиях получает характер отношения «выражающего» (вокальный жест) и «выражаемого» (ментальное состояние, отношение).

3. Отличительной характеристикой междометий как интеракционально-прагматических знаков является их семиотическая нетождественность в процессе речепорождения и в процессе речевосприятия. Если на уровне продуцирования междометия представляют собой интеракционально-прагматический знак, то на уровне рецепции потенциальным адресатом репрезентируют индексальный интерференционный знак.

4. Решение проблемы создания непротиворечивой, универсальной для всех классов междометий теории лежит в плоскости признания семиотической дихотомии между двумя типами знаков: «интеракционально-прагматический знак (междометие)/ дескриптивный знак» (все остальные лексические единицы). С учетом особого семиотического статуса междометия должны быть определены как интеракционально-прагматические лингвистические знаки, отражающие процесс взаимодействия индивида с объектами внеязыковой среды в момент его непосредственного возникновения.

5. Различные семиотические типы заимствований детерминируют дифференцированные способы интродукции в принимающий язык: использование моносемиотических (вербальных) средств в ситуации заимствования дескриптивного знака и семиотически гетерогенных (поликодовых) средств презентации – в случае заимствования интеракционального знака (междометия). Финальная интерпретанта заимствуемого дескриптивного знака представляет собой конструируемый интерпретатором гносеологический образ, финальная интерпретанта междометия – встраиваемый эмоциональный рефлекс, активизируемый определенным набором типовых ситуаций.

6. В процессе семиозиса первообразных англо-американских междометий в современном русском языке изменения претерпевают структура, качество выражаемых ими эмоций и область каузации, характер которых в языке-реципиенте детерминируется социальными, возрастными и гендерными параметрами. Заимствованные междометия подвергаются функционально-семантической трансформации (переход из одного разряда междометий в другой) и частеречной перекатегоризации (переход междометия в другие части речи).

7. Заимствованные первообразные англо-американские междометия выступают в роли средств репрагматизации картины мира носителей современного русского языка: интерьектив *вау,* употребляемый преимущественно в рекламном и развлекательном дискурсе, выполняет функцию приучения индивида к низшим, сенсорным формам эмоциональной оценки, способствует формированию рефлекса потребления и акцентуации личности на гедонистических ценностях; интерьектив *йес!,* функционирующий преимущественно в публичном дискурсе политиков и участников состязательных мероприятий, стимулирует агентивность члена социума как автономного субъекта жизнедеятельности, мотивирует индивида на достижение успеха и превосходства в условиях актуализации оппозиции «свой – чужой».

8. Вхождение в русский речевой этикет многочисленных англо-американских этикетных междометий приводит к изменению конвенций этикетного речевого общения, способствует усилению позитивного тона интеракции, приучает человека к гедонистическому формату существования и нацеливает на поддержание непрерывных контактов в аутентичной и виртуальной коммуникационной среде.

9. В современном русском языке наблюдаются процессы приобретения формантами греко-латинского происхождения (*супер, мега, экстра*) статуса интенсификаторов эмоциональной оценки и утраты деривационной активности в научной и публицистической сфере. Ранее категориально несамостоятельная морфема *супер* подвергается частеречной автономизации, становится высокочастотным интерьективным средством выражения позитивной эмоциональной оценки.

10. Заимствование первообразных англо-американских междометий мотивировано лингвистическими (отсутствием в современном русском языке точных интерьективных эквивалентов) и экстралингвистическими (прагматической корреляцией заимствованных интерьективов с перенимаемой идеологией общества, основанного на принципах конкуренции и гедонистического потребления) факторами. Функционально-семантическая немотивированность заимствования этикетных междометий компенсируется экстралингвистическими факторами (их соответствием транслируемым ценностям, компактностью и удобством использования в аутентичной и виртуальной коммуникации).

Объективность и достоверность основных положений, результатов и выводов исследования основывается на сформулированном в качестве основополагающего методологического положения принципе семиотической дихо-

томии интеракционально-прагматического знака (междометия) и дескриптивного знака (всех остальных лексических единиц). Выявление имманентной интеракционально-прагматической природы междометного знака позволило создать обладающую идеологической целостностью теорию, в которой каждый частный аспект описания междометия укладывается в рамки общего постулата о семиотической иноприродности интерьективов, «когда индуктивность описания (от фактов к обобщению) проверяется определённой дедуктивной схемой, отражающей логику построения и функционирования описываемой системы» [Кустова 2008: 54] [4].

Достоверность и адекватность наблюдения определяется использованием когнитивно-семиологического метода, ориентированного на изучение закономерных связей и отношений языковой системы с дискурсивной средой, объединением эмпирических методов исследования с анализом функционирования заимствованных междометий в аутентичных ситуациях речевого взаимодействия с привлечением широкого лингвокультурного контекста. Репрезентативное количество проанализированных микроконтекстов, в том числе в зафиксированных в Национальном корпусе русского языка примерах, также свидетельствует о научной обоснованности сделанных в работе выводов.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Основные положения и научные результаты исследования прошли апробацию на конференциях, состоявшихся в России и за рубежом: международной научной конференции «Модели в современной науке: единство и многообразие» (2010, Калининград); VI международной научной конференции «Язык, культура, общество» (Москва, 2011); I, II, III научно-практической конференции «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания» (Москва, МГИМО (У) МИД, 2013, 2015, 2017); международной научной конференции «Модальные аспекты речевой коммуникации» (2015, Калининград); международной научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания» (2012, Астрахань), XXIV международной научно-практической конференции «Язык и культура» (2016, Новосибирск), международной научной конференции «Między słowami, między światami» (2014, Ольштын, Польша); II международной научной конференции «Człowiek w obliczu kryzysu – różne wymiary kryzysu» (2014, Эльблонг, Польша); международной научной конференции «Zmiany w języku polskim i innych językach słowiańskich» (2016, Лодзь, Польша), XII международной научно-практической конференции «International scientific review of the problems and prospects of modern science and education» (2016, Бостон, США); международной научной конференции «Język rosyjski XXI wieku źródła i perspektywy» (2016, Варшава, Польша); I научно-практической конференции «Humanities, Social Sciences and Environment Conference» (2016, Милан, Италия); международной научно-

практической конференции «Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности» (Белгород, 2017); I международной научно-практической конференции «Язык и культура в условиях глобализации» (Новосибирск, 2017).

Основные положения работы были изложены в рамках научно-исследовательских семинаров и лекций на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (2015, 2016), Института русистики Варшавского университета (2014; 2016), Центра русского языка Лодзинского университета (2015, Польша), Российского университета дружбы народов (2016, 2017), Института славистики Венского государственного университета (2017).

Материалы диссертационного исследования включены в программу курса «Научное наследие проф. А. Вежбицкой», читаемого студентам Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта.

Результаты исследования отражены в 42 публикациях, в том числе в монографии и 19 статьях в журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Поставленные цель и задачи определили структуру и объем диссертации, состоящей из введения, четырех глав, заключения и приложений.

Содержание работы

Во **введении** обосновываются актуальность исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, приводятся данные о его апробации, характеризуется материал и методы его анализа, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Общие теоретические предпосылки исследования междометий», состоящей из 4 параграфов, представлен анализ эволюции лингвистических воззрений на природу и статус интерьективных единиц, охарактеризованы основные современные концепции описания междометий в отечественной и зарубежной лингвистике, выявлены и систематизированы причины недостаточной экспланаторности существующих интерьективных теорий.

Разработка релевантных концепций описания междометий предопределила решение учеными следующих принципиальных проблем, обусловивших основной эволюционный вектор развития интерьективных исследований:

- определение статуса междометий в их отношении к языку;
- установление онтологически релевантного уровня категоризации данных единиц;
- осуществление классификации междометий.

Фонологическая и морфологическая «аномальность» интерьективных единиц, их близость к психофизиологическим реакциям, отсутствие логико-понятийного содержания и, как следствие, номинативной функции, послужили основанием для появления концепций о внелингвистическом статусе междометий. Ряд ученых

рассматривали междометия как инстинктивные звуки или спонтанные эмоциональные выкрики. Отождествление междометий с имеющими рефлекторный характер выкриками послужило основой для возникновения диахронических и синхронических теорий, описывающих интерьективные единицы в терминах рефлексологии (В. фон Гумбольдт, М. Мюллер, В. Вундт, А.А. Потебня, А.И. Греч, Д.Н. Кудрявский и др.) и аффектологии (Ш. Балли, Ж. Вандриес, Г. Пауль).

Осознание учеными присущего междометиям свойства конвенциональности и этноспецифичности привело к изменению взглядов на статус интерьективов как интегрированных в языковую систему единиц. Дополнительными аргументами в пользу их лингвистичности становятся способность междометий к участию в определенных языковых процессах, «легализация» их положения в составе языка посредством включения в толковые и переводные словари, а также приход на смену господствующему в лингвистике системоцентризму антропоцентрической парадигмы, переключившей интересы исследователя с объекта познания на субъект, т.е. изучающей человека в языке и язык в человеке.

С начала XXI столетия все большее признание среди зарубежных и российских лингвистов получают концепции о «пограничном» статусе междометий как единиц, совмещающих в себе лингвистические и экстралингвистические свойства (Т. Уортон, П. Круз, И.А. Шаронов и др.). Разработанная Т. Уортоном шкала лингвистичности характеризует интерьективные единицы как в различной степени интегрированные в язык элементы [Wharton 2003].

Дискуссионными на протяжении многих лет остаются вопросы морфологической и синтаксической категоризации междометий. Сомнения в обоснованности взглядов на интерьективы как на самостоятельную частеречную категорию высказывали М.В. Ломоносов, И.И. Греч, А.А. Потебня, Д.Н. Овсянико-Куликовский и др. В рамках других частеречных категорий предлагали описывать междометия О. Есперсен и Л. Блумфилд.

Сторонники морфологической категоризации междометий (И.И. Мещанинов, Ф.Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба, С. Карцевский, Е. М. Галкина-Федорук и др.) сопровождали аргументы в пользу частеречной атрибуции данных единиц обязательным указанием на их особый статус, на невозможность непротиворечивого включения междометия в систему частей речи. Отсутствие у междометий типовых морфологических экспонентов и их структурная обособленность стали предпосылкой для возникновения синтаксических концепций их интерпретации (А.И. Германович, И.И. Мещанинов, А.А. Шахматов и др.). Синтаксический уровень описания не снял с повестки дня проблему изучения природы данного класса по отношению к остальным знаменательным единицам, однако заложил основы их изучения как дискурсивных маркеров в рамках развившегося впоследствии прагмалингвистического подхода.

В теоретической литературе не существует единообразия мнений по вопросу определения состава интеръективной категории и принципов классификации входящих в нее классов. Объединяющим все подходы методологическим основанием является признание в качестве эталона интеръективной категории первичных эмотивных междометий. Именно на соответствии различных единиц присущим данному классу конститутивным признакам осуществляется их отнесение к классу междометий. Вместе с первообразными эмотивами ядро интеръективной категории составляют когнитивные междометия, отличающиеся от первых по признаку выражения текущего состояния эмоции/когниции. Ближнюю периферию составляют побудительные (волитивные) междометия, выражающие волеизъявления. К дальней периферии относят звукоподражательные и этикетные междометия, имеющие как объединяющие, так и дифференцирующие признаки по отношению к эталонному классу первообразных интеръективных единиц.

Кроме функционально-семантического, к числу общепринятых классификационных критериев относится способ образования междометий, на основании которого выделяются первообразные (первичные, непроизводные) и непервообразные (вторичные, производные) единицы. Если непервообразные междометия образуют закрытую группу, построенную по модели сочетания нескольких звуков (*ох, ах* и т.д.), то вторичные междометия представляют собой открытый класс единиц, возникающих в результате интеръективации знаменательных частей речи. Приобретаемое ими свойство «выражать эмоции, не обозначая их», становится определяющим фактором для их отнесения к категории интеръективов.

Невозможность непротиворечивого описания междометий в рамках морфологического и синтаксического подходов предопределила стремление ученых к дальнейшему поиску альтернативных парадигм их изучения. Однако ни одна из современных парадигмальных концепций (референциально-семантическая, процедурно-инференционная, когнитивно-дискурсивная) не обеспечила существенного прорыва в решении наболевших проблем изучения междометия. Основной вопрос интеръективной проблематики: каким образом следует описывать и объяснять внутреннюю природу междометия – до сих пор не получил внятного ответа, который бы не искажал их онтологической сущности, не являлся результатом дедуктивно-ориентированных герменевтических процедур и предоставлял методологию для создания идеологически целостной, универсальной теории междометия.

В современной российской лингвистике поиск решений, направленных на разработку общих теоретико-методологических принципов описания междометий, осуществляется в рамках референциально-семантической (В.В. Виноградов, В.И. Шаховский, Г.В. Колшанский, С.Ю. Мамушкина и др.), прагмалингвистической, или когнитивно-дискурсивной (Е.А. Бахмутова, Т.В. Белоус, С.В. Параховская и др.) и, реже, семиотической парадигмы (Б. Волек, Е.Ю. Кустова и др.). В зарубежной лингвистике изучение междометий осуществляется в рамках двух основных,

противостоящих друг другу теорий, – семантической теории (А. Вежбицкая, К. Годдард, Д. Уилкинс) и процедурно-инференционной концепции Т. Уортона.

В теории А. Вежбицкой предлагается альтернатива традиционному лексикографическому представлению междометий в виде декомпозиционных сценариев, основанных на разработанном ученым естественном семантическом метаязыке. Используемые в рамках данной концепции экспликационные матрицы характеризуются автором как «лексико-семантические инварианты» многозначных интеръективов. Значительное внимание в концепции А. Вежбицкой уделяется выявлению принципиальных отличий междометий от всех других частей речи, характеризуемых с помощью двух основных сценарных моделей: «я чувствую» – для интеръективов, «я говорю, что чувствую» – для остальных классов лингвистических единиц [Вежбицкая 1999]. Обнаруженные отличительные признаки междометий не влияют, однако, на общую приверженность автора идее семантичности всех языковых уровней и всех типов лингвистических знаков.

Описание междометий в терминах семантики и их экспликация посредством сценарных декомпозиций подвергаются обстоятельной критике британским лингвистом Т. Уортоном, выстраивающим систему доказательств необоснованности отнесения интеръективов к классу единиц, обладающих значением [Wharton 2003]. В качестве альтернативы семантической теории ученый разрабатывает процедурно-инференционную концепцию, основанную на прагмалингвистических принципах теории экспликатур Д. Блэкмор [Blakemore 1987]. В рамках данного подхода интеръективы предлагается рассматривать как лишенные семантики единицы, выполняющие в речи функции процедурных маркеров. Их прагматический потенциал сводится к сужению области инференционного поиска и выполнению междометиями роли указателей, облегчающих процесс декодирования адресатом эмоциональных состояний, выражаемых с помощью междометий.

Предлагаемая ученым прагмалингвистическая интерпретация вносит определенный вклад в решение проблемы описания когнитивных механизмов, лежащих в основе процесса восприятия междометий. В то же время экстраполяция сделанных выводов на уровень речевого продуцирования вступает в противоречие с объективной природой интеръективных знаков, с присущим им характером каузации: от внешнего мира к человеку. Теоретизация единиц, представляющих собой конвенциональные формы эмоционального реагирования на внешние каузаторы, как направленных на адресата процедурных маркеров искажает их реальную феноменологическую природу.

В современной отечественной лингвистике широко представлены референциально-семантические концепции описания интеръективов (В.В. Виноградов, В.И. Шаховский, Г.В. Колшанский, И.Р. Гальперин, С.Ю. Мамушкина, М.А. Пузиков и др.). Стремление «вписать» междометия в рамки традиционной семантической парадигмы приводит к необходимости расширительного толкования основополага-

ющих понятий семантики: значения, денотата, сигнификата, референта и т.п. Российские лингвисты стремятся не только раскрыть конкретное содержание данных терминов по отношению к междометиям, но и обосновать релевантность применения семантической процедуры к описанию интерьективных знаков с точки зрения логики. В основе их аргументации лежит дедуктивный принцип, согласно которому способность понимать объект предполагает обязательное наличие у него значения.

Анализ синтагматики глагола *понимать*, дополненный изучением трудов в области философской герменевтики (Х.-Г. Гадамер, Р. И. Павиленис, В. З. Демьянков и др.), позволил нам прийти к выводу о неправомерности выдвигаемого сторонниками референциально-семантических теорий общеметодологического принципа об обязательной связи понимания со значением. Наделение значением лишенных денотативного содержания единиц в значительной мере основывается на результатах инференционных операций по истолкованию выражаемых междометиями эмоций. Естественным способом экспликации внутренней стороны междометий является их соотнесение с именем выражаемой эмоции. Услышав восклицание *ах*, мы связываем его произнесение с состояниями восторга или восхищения; услышав возглас *фу,* предполагаем, что произносящий субъект испытывает чувство отвращения или омерзения и т.п. Эмпирическим фактом, подтверждающим субстантивационную модель обработки воспринимаемого интерьективного знака, является традиционный для словарей способ представления междометий путем перечисления существительных, обозначающих выражаемые ими эмоциональные состояния. Наложение категориальной матрицы процесса восприятия и декодирования внутреннего плана междометий на уровень их речепорождения приводит к ложному умозаключению о наличии у междометий значения.

В целом, логика сторонников референциально-семантических концепций может быть представлена следующим образом. С одной стороны признается, что присущие всем дескриптивным знакам репрезентативные функции замещения внеязыковых объектов у интерьективных знаков отсутствуют. С другой стороны, человек интерпретирующий извлекает из интерьективных знаков смыслы, получающие референциально-категориальные формы, привычные для дескриптивных знаков. Отсюда следует вывод о присутствии у интерьективных знаков искомых семантических характеристик.

Интерпретация интерьективов в терминах семантики не только базируется на ложной исходной дедукции, но и приводит к усложнению процедуры описания значения, сигнификата, референта или денотата в их непосредственном отношении к междометиям. Приписывание междометиям значения не позволяет провести четкого типологического разграничения между интерьективами и кореферентными именами существительными – именами эмоций, между вторичными междоме-

тиями и лежащими в основе их интеръективации омонимичными лексическими единицами. Семантический подход к теоретизации междометий затемняет и искажает онтологическую сущность данного класса специфических лингвистических единиц, не способствуя разработке внутренне непротиворечивой, объяснительной теории их описания.

Авторы работ, выполненных в когнитивно-дискурсивном и прагмалингвистическом русле, исследуют глубинные когнитивные механизмы, лежащие в основе образования междометий. Коррелирующие с интеръективами структуры описываются ими как «минимальные эмоциональные концепты» [Параховская 2003], фреймы поведенческих моделей [Белоус 2006; Бахмутова 2006], сценарии действий или хода дискурса [Прудникова 2011] и др. В целом, в рамках когнитивно-дискурсивного подхода прослеживается тенденция к пониманию динамической, ситуативной природы междометий, не вписывающихся в рамки традиционных канонов референциальной семантики.

Во **второй главе** «**Теоретические основы интеракционально-прагматической концепции описания междометия**», состоящей из трех параграфов, обосновывается необходимость приложения семиотической методологии к решению проблемы описания внутренней стороны интеръективного знака.

В качестве основного дистинктивного признака междометий как специфического типа лингвистических единиц в данной работе рассматривается присущее им свойство интеракциональности. В отличие от других элементов языка, способных приобретать свойство интеракциональности только на речевом уровне [Бахтин 1979], междометия имеют имманентную интеракциональную природу, коренным образом отличающуюся от потенциальной «диалогичности» слов или высказываний. Интеракциональность междометий заключается не в «противостоянии» актуализируемых в речевой деятельности смыслов, а в различных формах реактивного взаимодействия междометий с внеязыковой средой, в осуществлении ими непосредственной интеракции между внешними каузаторами и эмоционально-когнитивной сферой человека.

Осознание принципиального характера свойства интеракциональности для описания онтологической сущности междометия позволило нам прийти к выводу, что решение проблемы создания универсальной для всех классов междометий теории лежит в плоскости признания семиотической дихотомии между двумя типами знаков: «интеракционально-прагматический знак (междометие) / дескриптивный знак (все остальные лингвистические единицы). В сформулированной дихотомии обнаруживают себя два различных способа существования знака – языковой знак как номинант, репрезентант означаемого, и языковой знак как выразитель текущих эмоционально-когнитивных состояний индивида в процессе его непосредственной интеракции с внеязыковой средой.

Если дескриптивный знак в рамках билатеральной модели традиционно представляется как соотношение «означающего» и «означаемого», то знак интеракциональный может быть описан как соотношение «выражающего» (вокальный жест) и «выражаемого» (отношение, ментальное состояние). При этом обязательная каузированность междометия внешней по отношению к индивиду средой означает, что область выражаемого всегда включает реактивное или проактивное «отношение» человека к каузатору, что свидетельствует о прагматической природе интеракционального знака.

Интерпретация интерьективов как особого, противостоящего дескриптивной лексике типа знаков, позволяет перевести на уровень научного описания все многочисленные попытки ученых отразить особую природу междометий в формулировках «выражают чувства», «дают прямой выход чувствам», «являются продолжением чувств» и т.п., придать статус семиотической дихотомии распространенным в интерьективной литературе утверждениям о двух способах репрезентации эмоций в языке: их непосредственном выражении («я чувствую») и их описании («я говорю, что чувствую»). С учетом особого семиотического статуса междометия могут быть определены как интеракционально-прагматические лингвистические знаки, отражающие процесс взаимодействия произносящего индивида с объектами внеязыковой среды в момент его непосредственного возникновения.

Выдвижение в работе принципа семиотической дихотомии потребовало установления характера ее отношения к общепризнанной триаде Ч.С. Пирса. В основу произведенной американским ученым типологизации положен критерий взаимоотношений между внешней и внутренней стороной языкового знака, на основании которого выделяются знаки-иконы, индексы и символы. Разработанная Пирсом триада дает представление о типологии когнитивных способностей человека-номинатора, проявляющихся в различных техниках знакообразования. К ним относятся приемы иконизации означаемого (знаки-иконы), метонимизации означаемого (знаки-индексы) и произвольного изобретения означающего (знаки-символы). Логика Пирса становится одновременно основой понимания характера эволюционирования знаков в направлении увеличения их конвенциональности в процессе семиозиса.

В отличие от семиотического тривиума Ч.С. Пирса, дескриптивно/интеракциональная дихотомия основывается на критерии онтологической сущности лингвистических знаков, позволяя выявить фундаментальные различия между направленными на «обозначение» дескриптивными элементами языка и направленными на «выражение» эмоционального отношения в непосредственной динамике его проявления, интеракциональными единицами.

Значительное место в интерьективной литературе занимают работы, направленные на установление знаковой природы междометий в рамках триады Пирса

(Б. Волек, Е.Ю. Кустова, И.А. Шаронов, P. Kockelman, F. Nicoloff, M. Światkowska и др.). Большинство ученых предлагают относить интерьективы к индексам, или к символическим индексам. Характерные для каждого языка конвенции употребления междометий определяют качество символичности знака, в то время как индексальность связывается с непосредственным указанием на некий, недоступный непосредственному наблюдению, внутренний психический феномен [Волек 1995].

В проблеме характеристики качества знаковости междометий в свете триады Пирса в наиболее отчетливой форме проявляется асимметричность их актуализации на уровне речепорождения и на уровне речевосприятия. Свойство индексальности присуще интерьективным знакам только на уровне их декодирования потенциальным адресатом, в то время как на уровне речепорождения междометия представляют собой имманентно интеракциональный знак, объективирующий взаимодействие эмоционально-когнитивной сферы человека с внеязыковой средой и в большинстве случаев не требующий присутствия адресата. В связи с этим отнесение междометий к категории знаков-индексов представляется односторонним, отражающим их семиотическую природу только на уровне речевосприятия. С учетом сложности механизма «декодирования» воспринимаемых междометий, в процессе которого происходит транспозиция эмоционально-аффективных форм в категориально-предметные, их индексальность имеет инференционный характер (референция к имени каждый раз выводится заново, здесь и сейчас).

Сформулированный в работе принцип семиотической дихотомии «интеракциональный / дескриптивный знак» создает новую парадигмальную основу для непротиворечивой интерпретации всех классов междометий, а сам критерий интеракциональности используется с целью установления степени «интерьективности» различных единиц, включение которых в интерьективную номенклатуру не представляется бесспорным.

С учетом критерия интеракциональности первичные и вторичные эмотивные междометия представляют собой объект-субъектный или пропозициональносубъектный тип интеракции, который может быть описан в формуле «Я выражаю испытываемую в данный момент эмоцию или эмоциональное ощущение». В когнитивных междометиях реализуется пропозициональнo-субъектный тип интеракции, объективируемый в формуле «Я выражаю испытываемое в данный момент интеллектуальное (когнитивное) отношение к содержанию воспринимаемой информации». Побудительные междометия реализуют субъект-субъектный тип интеракции, описываемый в формуле «Я намереваюсь вызвать мгновенный перлокутивный эффект, состоящий в изменении актуального состояния адресата». Этикетные междометия реализуют субъект-субъектный тип интеракции, имеющей имплицитный перформативный характер, объективируемый в формуле «Я устанавливаю определенный тип взаимоотношений между собой и адресатом».

Критерий интеракциональности позволяет осуществить классификацию междометий в рамках определенного типа речевых актов. С учетом различного вектора объективируемого в междометиях взаимодействия, все интеръективные высказывания разделяются на реактивные, проактивные и перформативные акты. В группу реактивов входят первичные или вторичные эмотивные междометия, а также когнитивные междометия, представляющие собой непосредственную реакцию на объектный или событийный каузатор внешней среды. Для данного типа речевых актов характерно слияние локуции с иллокуцией, поскольку иллокуция реактивных интеръективных реплик конгруэнтна выражению эмоциональных или ментальных состояний. Группу проактивов образуют побудительные междометия, активизирующие или инициирующие мгновенные изменения в поведении адресата, представляющиеся необходимыми адресату. Для данного типа интеракциональных речевых актов характерно стремление адресанта к максимально возможному темпоральному совпадению всех трех уровней речевого акта: иллокуции – локуции – перлокуции. Группу перформативов образуют этикетные междометия, принадлежащие к разновидности «слабых» перформативов, в которых имеет место совпадение локуции с иллокуцией при социально невыраженном перлокутивном эффекте.

Выдвинутый в работе принцип семиотический дихотомии позволяет описать явление интеръективации как особый, отличный от частеречной перекатегоризации, тип конверсии, в рамках которой дескриптивный (семантический) знак трансформируется в знак интеракциональный (прагматический). В результате утраты функции обозначения знаменательные части речи начинают выполнять функцию реактивного эмоционального самовыражения индивида. Эффект эмоционально-психологической разрядки, возникающий при употреблении табуированной интеръективной лексики, обеспечивается не только за счет нарушения табу, но и благодаря особым онтологическим свойствам интеръективного знака, его динамичной, перформативной интеракциональной природе.

В терминах семиотической конверсии могут быть описаны как вторичные эмотивные междометия, так и этикетные междометия. В результате расхождения между коммуникативными интенциями слов-формул и функциональной задачей знаков по денотации объектов действительности происходит постепенное исчезновение «означаемого» из двусторонней структуры дескриптивного знака. Бывший дескриптивный знак становится действенным, перформативным средством установления конкретных форм взаимоотношения между коммуникантами, приобретая свойство интеракциональности.

В **третьей главе «Эмпирический подход к исследованию семиозиса интеракциональных и дескриптивных знаков»,** состоящей из двух параграфов, разрабатываются методологические принципы эмпирического исследования семиозиса заимствуемых англо-американских междометий в современном русском

языке. Основу исследовательской процедуры составляет использование методики отсроченного по времени двукратного анкетирования носителей принимающего языка.

Особое значение для формулирования принципов эмпирического изучения семиозиса имеет понимание содержательных характеристик структурных элементов процесса функционирования языкового знака. Вслед за Ч.С. Пирсом большинство лингвистов описывают семиозис в рамках триады «знак (репрезентамен) – представляемый знаком объект – интерпретанта». Последний компонент получает в лингвосемиотике значительное количество различных истолкований. С точки зрения необходимости дифференциации различных этапов семиозиса данный элемент триады рассматривается в работе как сформировавшийся на каждом конкретном этапе функционирования знака семиотический конструкт, интегрирующий сумму множественных индивидуальных смыслов и интерпретаций знака его пользователями. Избранный подход представляется концептуально близким пониманию интерпретанты знака в трудах У. Эко, Ф. Растье, Н.Ф. Алефиренко, Ж.Р. Арустамян и обусловливает возможность использования интерпретанты в качестве инструментальной семиотической единицы эмпирического исследования.

Описываемая в данной главе исследовательская процедура имеет форму двукратного анкетирования носителей языка, проводимого с определенным временным интервалом. Сопоставление получаемых данных о смысловых и эмоционально-аксиологических компонентах начальной интерпретанты заимствуемого знака с данными, собранными на последующем этапе, позволяет проследить реальную динамику его функционирования в процессе семиозиса.

Предложенная матрица анкетирования содержит вопросы, нацеленные на определение количественных показателей (уровень активного и пассивного освоения пользователями знака), качественных показателей (уровень освоения семантики и прагматики знака, соотнесение с предполагаемыми аналогами в русском языке, индивидуальный характер отношения анкетируемых к знаку). Областью практического применения предложенной исследовательской процедуры стало изучение семиозиса двух различных типов заимствованных знаков: дескриптивного (лексические единицы *креативный, креативность*) и интеракционально-прагматического (междометие *вау*).

Всего в анкетировании, направленном на выявление интерпретанты заимствованных слов *креативный, креативность,* приняли участие 50 человек в 2006 и столько же в 2016 гг. В анкетировании, направленном на выявление интерпретанты заимствованных англо-американских междометий, приняли участие 450 человек в 2010 и в 2017 гг.

В результате обработки данных анкетирования было установлено, что семиозис заимствуемого дескриптивного знака осуществляется в направлении от имени

знака к конструированию его гносеологического образа в результате выполнения когнитивных операций, нацеленных на идентификацию, иерархизацию и интеграцию дефиниционных признаков десигната. Семиозис интеръективного знака осуществляется в направлении от перцепции стереотипных ситуаций к индуктивным заключениям о характере объективируемой знаком эмоциональных состояний и релевантной для них области каузации. Финальная интерпретанта дескриптивного знака представляет собой встраиваемый интерпретатором гносеологический образ, финальная интерпретанта интеръективного знака – встраиваемый эмоциональный рефлекс, активизируемый определенным набором типовых ситуаций.

Интерпретанта обоих типов заимствованных знаков представляет собой сложный семиотический конструкт, в котором полученный характер знакового отношения опосредуется когнитивной моделью принимающего языка со свойственной ему картиной мира, входящей в столкновение и сопряжение с когнитивной моделью языка-донора. Основой данной конфронтации является индивидуальная эмоционально-ценностная рефлексия членов интерпретирующего коллектива в рамках дихотомии «свой – чужой».

В четвертой главе «Когнитивно-семиотический, прагматический и лингвокультурный аспекты функционирования англо-американских междометий в современном русском языке», состоящей из четырех параграфов, осуществляется комплексный анализ заимствованных англо-американских междометий.

На протяжении многих веков группа первообразных русских междометий оставалась герметичной, не допуская пополнений за счет внешних заимствований. Все пришедшие в разное время в русский язык иноязычные интеръективы относились к классу побудительных или этикетных единиц. Их заимствование было мотивировано узкопрофессиональными (*вира, майна* и др.) или культурно-социальными потребностями общества (*бис, браво* и др.) и выполняло цивилизационные функции, не меняя внутренних, эмоционально-когнитивных конвенций, установленных рамками автохтонного интеръективного репертуара.

С 90-х годов XX столетия начинается процесс внедрения в русскую лингвокультурную среду первичных англо-американских интеръективов, в первую очередь, *вау* и *йес!* Основным способом их интродукции становятся семиотически гетерогенные средства, используемые в рекламном и развлекательном дискурсе, в переводной американской, а затем и в отечественной кинопродукции.

Большинство российских лингвистов склонны рассматривать употребление англо-американских междометий исключительно на уровне феноменологии культуры речи, как паразитические, засоряющие язык явления, не влекущие за собой изменений национального языкового сознания. М.А. Кронгауз выражает недоумение по поводу того, каким образом можно выражать «неподдельные» чувства с

помощью заимствованных междометий [5]. Однако за эмоциональной критикой не следуют серьезные исследования, способные разъяснить, что усвоение этнокультурно чуждых форм выражения «неподдельных» эмоций с необходимостью приводит к «встраиванию» в национальное языковое сознание чуждых эмоциональных рефлексов и к изменению культурно-поведенческой матрицы носителей принимающего языка в целом.

Одним из наиболее этноспецифичных англо-американских междометий является интеръектив *wow,* о значимости которого в языке-доноре свидетельствует значительное количество работ, посвященных его изучению (Ф. Амека, А. Вежбицкая, Д. Уилкинс, Т. Уортон и др.). Сделанные в них наблюдения и выводы, вместе с данными, полученными в результате анализа дефиниций *wow* в англоязычных словарях, составили основу разработанной нами фреймовой структуры междометия. В языке-доноре основной, передаваемой с помощью *wow* эмоцией является удивление (позитивное, нейтральное, негативное), градуируемое по степени интенсивности (от слабого до сильного), не требующее присутствия адресата, каузируемое как вербальным, так и невербальным объектами. По мнению отдельных зарубежных лингвистов, характер каузации определяет качество объективируемого возгласом *wow* состояния. В случае реакции на высказывание *wow* передает эмоцию, включающую действие когнитивного механизма, в случае невербальной каузации объективируются основанные на действии сенсорных механизмов «голые» эмоциональные ощущения [Rey 1980, Wharton 2003]. Кроме эмоции удивления, *wow* в английском языке может выражать восторг, восхищение, возбуждение, трепет и благоговение.

В рамках сопоставительных лингвистических исследований удивление характеризуется как этноспецифичный концепт, имеющий значительные структурно-семантические различия в национальных языковых картинах мира [Н.Ф. Дорофеева 2002]. На дифференцированный характер механизма возникновения удивления обращают внимание психологи. С. Томкинс доказывает, что данная эмоция может представлять собой как результат когнитивных операций по соотнесению имеющихся фоновых знаний с наблюдаемым каузатором, так и объективировать перцептивно-сенсорную форму эмоциональных ощущений, возникающих в момент «интеллектуального сброса» или «полного когнитивного обнуления» [Tomkins 2008].

Этноспецифичность концепта удивления обнаруживается при сравнении англо-американского интеръектива *вау* с его приблизительными аналогами в рус-

[5] Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 24.

ском языке *Ого!, Ух ты!, Ничего себе!, Вот это да!* Принципиальные отличия в механизмах образования сопутствующих данным возгласам эмоциональных состояний выявляются в результате дефиниционного и контекстуального анализа, а также с помощью проведения субституативных тестов, например, *Ого, сколько грибов! - Вау, сколько грибов!* Если акт произнесения *ого* представляет собой эмоционально маркированный итог когнитивных операций по сопоставлению предиката ожидания с его актуальным репрезентантом, то интерьектив *вау* является средством экстериоризации не основанных на действии когнитивных механизмов, сенсорно-перцептивных процессов.

Преобладание когнитивных операций находит свое отражение в просодии русских междометий, не приспособленных для выражения длительного состояния интенсивного эмоционального потрясения. Фонационные особенности англо-американского *вау* обусловливают его пригодность для экстериоризации испытываемого ощущения в его непосредственной, градуируемой по длительности и интенсивности динамике.

Данные, полученные в результате выполненного анкетирования и анализа функционирования междометия *вау* в различных дискурсивных практиках, свидетельствуют об отличиях фреймовой структуры интерьектива в языке-доноре и в языке-реципиенте. Основными, выражаемыми с помощью *вау* эмоциями в принимающей среде становятся восхищение, восторг, потрясение, изумление, шок, удивление и восторженное одобрение. При этом наблюдается возрастная дифференциация выражаемых эмоций: если для лиц в возрасте от 15 до 25 лет характерно высокочастотное употребление *вау* как средства объективации испытываемого восхищения или потрясения, то для представителей старших возрастных групп свойственно его использование для выражения удивления при значительно меньшей частотности употребления интерьектива.

Различия в выражаемых эмоциях отражаются в качественно дифференцированной структуре их каузации. Представители младшей возрастной группы относят к числу основных каузаторов *вау* объекты или события, которым приписываются свойства невероятности, уникальности, феноменальности и т.п. Данные характеристики предполагают высокую степень рассогласованности фоновых и получаемых знаний, при которой участие когнитивных механизмов в процессе оценки в значительной степени редуцируется или полностью исключается. Для представителей старшей возрастной группы в большей степени характерно саркастическое употребление *вау.*

Вау заимствуется не только как междометие, функционирующее автономно как средство выражения реактивного эмоционального состояния, но и в составе устойчивых сочетаний *вау-фактор, вау-момент* (*wow factor, wow moment*). Включение интерьектива *вау* в состав одного из англо-американских маркетинговых терминов свидетельствует о первостепенной важности планируемого эмоциональ-

ного воздействия как условия успешной реализации производимой продукции. В современном русском языке модель *вау* + «название рекламируемого продукта» становится одной из наиболее активных в рекламном дискурсе, порождая длительный ряд составных номинаций: *Вау-вафли, Ваупродукты, Вау Холдинг, вау гречка, карта Вау-клиента, вау-проекты* и т.п.).

В ситуациях, рассчитанных на достижение так называемого *вау-эффекта*, разработанный А. Вежбицкой сценарий удивления видоизменяется следующим образом:

Я сейчас нечто знаю (*вижу, слышу)*

Я бы не подумал, что буду знать это (*видеть, слышать это)*

Я думаю (*чувствую, ощущаю)*: это очень хорошо

Я бы не подумал (*я не мог представить себе)*, что так может быть.

При использовании *вау* в различного рода рекламных продуктах последним структурным элементом сценария становится – *Я хочу иметь это.*

Функциональная способность *вау* объективировать сильные, основанные на сенсорных оценках, позитивные эмоциональные ощущения обусловливает его высокочастотное функционирование в речи участников многочисленных развлекательных конкурсов, телешоу и т.п. В высказываниях членов жюри *вау* используется не только как междометие, передающее высокую степень восхищения, но и употребляется в субстантивированной или адъективированной форме в качестве маркера наивысшей эмоциональной оценки или восторженного одобрения (*Кирилл, ты просто вау!*, *Это было вау!, Судьи ставят вечное вау* и т.п.). Примеры употребления *вау* в качестве субстантива встречаются также в Интернет-коммуникации (*Территория отеля – сплошное вау, И тут на меня нахлынуло второе вау* и т.п.).

Важным вопросом в связи с полифункциональным прагматическим потенциалом междометия *вау* является степень его освоения в принимающей лингвокультурной среде. Анализ полученных в ходе двукратного (2010 – 2017 гг.) анкетирования данных продемонстрировал, что ни в одной возрастной группе не зафиксировано 100 % употребления *вау*, тем не менее, во всех группах очевиден рост числа использующих или фиксирующих его употребление в различных дискурсивных сферах. Чаще всего *вау* употребляется в возрастной группе от 15 до 25 лет (69% в 2010 году и 81 % в 2017); в группе от 25 до 50 лет (37 % в 2010 году и 49 % в 2017), и в группе – от 50 и выше (5% и 8% соответственно). Анкетирование подтвердило наличие дифференцированного отношения к интерьективу: негативная оценка заимствования в значительно большей степени характерна для старшей возрастной группы. При этом объектом оценки становится не только сам знак (план выражения и содержания), но и употребляющие его субъекты (социолингвистическая оценка), а также страна – «импортер» данного знака и ее граждане (идеологическая оценка).

К другим параметрам освоения *вау* следует отнести высокую частотность его употребления (7 830 000 результатов в поисковой системе Гугл по запросу *вау*), в том числе в современных художественных произведениях. Глаголы, вводящие в предложение прямую речь с междометием *вау*, представлены достаточно богатым лексическим рядом: *воскликнуть*, *вскричать, удивиться, поразиться*, *восхититься, изумиться, обрадоваться, обомлеть, подумать* и др. Об успешной интериоризации *вау* свидетельствует их сочетаемость с глаголами, обозначающими спонтанность и непроизвольность издаваемого возгласа: *вырвалось у кого-то вау*, *не сдержался* и др. К свидетельствам освоения американского интерьектива следует отнести его вовлеченность в деривационные процессы: в современном русском языке *вау* подвергается семиотической конверсии, переходя в разряд дескриптивных знаков (субстантивов и адъективов), и претерпевает функционально-семантическую перекатегоризацию, переходя в разряд побудительных междометий в составе калькированного оборота *вау-вау, полегче* (от английского *whoa, take it easy, man*). В процессе семиозиса в принимающей среде *вау* приобретает ряд новых структурно-функциональных параметров, отличающих его от *wow* в языке-доноре.

В отличие от *вау*, проникновение англо-американского интерьектива *yes!* в дискурсивные практики носителей современного русского языка произошло естественным и незаметным образом, не вызвав критических замечаний лингвистов. Причинами меньшей лингвокультурной конфликтогенности данного интерьектива следует признать отсутствие фонетической идиосинкразийности по отношению к принимающей среде, предшествующую известность формы знака как утвердительной частицы *yes*, менее агрессивную форму его интродукции посредством демонстрации его употребления в аутентичных высказываниях не только в речи киноперсонажей, но и в аутентичных выступлениях известных политиков, спортсменов и т.п.

В американском варианте английского языка междометие *yes!* представляет собой результат эллипсиса слогана *Yes, we (I) did it!*, отражающего важнейшую мировоззренческую идеологему американского общества – агентивную нацеленность индивида на достижение победы или успеха в рамках стимулирующего действия разнообразных «вызовов». Передаваемая в *yes!* экспрессия объективируется в эмфатической просодии звука [*j*] и в соответствующем жестово-мимическом сопровождении, демонстрирующем решимость говорящего субъекта и высшую степень удовлетворенности совершенным действием.

Основной ситуацией употребления интерьектива в языке-доноре и языке-реципиенте является одержанная победа или достижение индивидом нужного ему результата. Сопутствующие данным событиям радостные эмоциональные ощущения ранее передавались в русском языке только с помощью интернационального междометия *ура*. Разработанные нами в результате проведения коммуникативно-

дискурсивного анализа и субституитивных тестов сценарные матрицы употребления *йес!* и *ура* выявили значительную разницу лежащих в их основе эмоционально-когнитивных механизмов.

Коррелирующий с *йес!* фрейм содержит конфронтационную составляющую и представляет собой рефлекторный жест демонстрации силы и превосходства победителя над побежденным:

Йес! (сценарий 1)

Я очень хотел получить результат X,

Этот же результат X хотели получить другие,

Я получил результат X,

Другие не получили результат X.

Я сейчас чувствую что-то, что чувствуют люди в этой ситуации.

В коррелирующем с *ура* фрейме выражается чувство радости и энтузиазма, без сопутствующего ему чувства превосходства:

Ура!

Случилось что-то очень хорошее

Я не думал, что это случится,

В связи с этим я чувствую что-то очень хорошее.

В отличие от *йес!*, возглас *ура!* не предполагает обязательной предшествующей агентивности говорящего: напротив, его высокочастотными каузаторами в речи носителей русского языка часто становятся сообщения, связанные с перспективой приятного бездействия: «Ура! каникулы!», «Ура, отпуск!» и т.п. Междометие *ура* лишено конфронтационного компонента и его произнесение, как правило, сопровождается улыбкой или другими жестово-мимическими способами выражения радости.

Произнося *йес!*, одержавший победу индивид стремится скрыть естественные для обычного человека в данной ситуации позитивные эмоции. Демонстрируемая вместо улыбки сосредоточенность и решительность свидетельствует об особых внутренних качествах победителя, в концентрированном виде выражая философию американской модели мировидения, основанной на идее исключительности американской нации. В результате *йес!* представляет собой яркий, этноспецифичный вокальный жест, входящий в качестве одного из важнейших эмоционально-аксиологических модулянтов в матрицу поведения американского общества.

Присутствие в данном междометном возгласе интенсивной силовой семиотики обусловливает его высокочастотное использование в принимающем языке в высказываниях политических лидеров, спортсменов и представителей других социальных сфер с ярко выраженной конкурентной составляющей. Одновременно *йес!* формирует привычку к построению межчеловеческих отношений в рамках различных типов оппозиции «свой – чужой». Становящееся все более распространенным употребление *йес!* в качестве реакции российских болельщиков на одержан-

ную победу, забитый гол и т.п., позволяет индивиду не только выразить чувство удовлетворенности фактом превосходства над поверженным соперником, но и ощутить свою агентивную «причастность» к победе, одержанной «своими» над «чужими».

Наиболее полно конфронтанционный компонент американского интерьектива проявляется в ситуациях, в которых с кем-то случилось что-то плохое, что представляется оценивающему субъекту заслуженным актом возмездия, вызывая в нем чувства, которые могут быть охарактеризованы как торжество или злорадство:

Йес! (сценарий 2)

Х сделал У что-то плохое,

Теперь с Х случилось что-то плохое,

У считает, что Х заслужил это плохое,

Поэтому У чувствует что-то.

Данные, полученные в результате выполненного двукратного анкетирования и анализа функционирования междометия *йес!* в различных дискурсивных практиках, свидетельствуют о совпадении фреймовой структуры интерьектива в языке-доноре и языке-реципиенте. В отличие от *вау*, функционирование *йес!* в значительно меньшей степени маркировано социолингвистическими параметрами. Достаточно высокие показатели употребления междометия регистрируются во всех возрастных группах: 77 % в 2010 г. и 81% в 2017 г. – в группе от 15 до 25 лет, 58 % и 61 % – в группе от 25 и до 50 лет, и 31 % и 37% – в группе свыше 50 лет. Для всех анкетируемых групп характерна также положительная оценка междометия. Полученные в результате анализа результаты представляют весомые свидетельства в пользу успешного «внедрения» американского интерьектива в принимающую лингвокультурную среду.

Наименьшая освоенность в лингвокультурном пространстве современного русского языка характерна для первичного междометия *упс* (транскрибированное *oops*), употребляющегося преимущественно молодыми людьми: 38 % в 2010 г. и 47% в 2017 г. (группа от 15 до 25 лет), – значительно реже людьми старшего возраста: 14 % в 2010 г. и 18 % в 2017 (от 25 до 50 лет), – и 3 % в 2010 г. и 5% в 2017 г. (свыше 50 лет).

Данный интерьектив отличает узкая область каузации, связанная с возникновением непредвиденных нежелательных обстоятельств. В зависимости от типа каузатора в языке-доноре *oops* употребляется в двух различных функциях. В том случае, если каузатором выступает некий внешний по отношению к говорящему объект, *oops* представляет собой инстантное выражение чувства неудовлетворенности внезапно возникшими осложнениями. Если в роли каузатора выступает собственное неосмотрительное поведение индивида, причинившее незначительный вред другим участникам коммуникации, в этом случае *oops* становится реактив-

ным способом выражения смущения и одновременно модулятором, смягчающим конфликтогенную ситуацию и улучшающим эмоциональный фон общения.

Согласно результатам проведенного анализа, в русской лингвокультурной среде *упс* употребляется только в ситуациях нарушения запланированного сценария. Случаи использования междометия в качестве средства культурно-эмоциональной разрядки являются единичными.

Следующей областью активного проникновения англо-американских междометий в современный русский язык является система речевого этикета. Изучению проблем данного сегмента коммуникации посвящено значительное количество работ российских и зарубежных исследователей (А.А. Акишина, Н.И. Формановская, В. И. Карасик, И.А. Стернин, Р. Лакофф, Дж. Серль и др.). Этикетные коммуникативные единицы описываются в них как часть ритуала, выполняющего функцию этического прескриптора и регулятора межпоколенной трансляции стандартизированных каждым социумом норм бесконфликтного поведения. В то же время речевой этикет характеризуется как чрезвычайно эластичная область, чутко реагирующая на парадигмальные сдвиги в социально-экономическом и идеологическом устройстве общества.

Отказ российского государства от социалистической идеологии, наряду с глобализационными процессами, активно протекающими с конца 90-х годов XX века, привели к значительным изменениям в сфере межличностных взаимоотношений. Основным донором стратегий и тактик их речевого воплощения становятся выработанные в рамках функционирования американского этносоциума модели успешного коммуникативного взаимодействия. Их внедрение в систему русского речевого этикета привело к значительным преобразованиям в присущей русскому языку системе обращений, а также в коммуникативных актах приветствия, прощания, извинения и согласия.

Несмотря на наличие во всех языках мира своего собственного, богатого репертуара стереотипных способов выражения согласия, с конца 90-х годов XXI столетия лексикографические источники фиксируют вхождение в различные языки мира и стремительный рост популярности американского междометия *OK*. Осуществляющая мониторинг глобализационных языковых процессов Ассоциация Global Language Monitor характеризует данный интерьектив как самое распространённое и общепризнанное слово на планете.

Англоязычные словари регистрируют три формы написания: *OK, o.k.*, *okay*; отмечают возможность его употребления в функции прилагательного, наречия, междометия, существительного и глагола. В качестве междометия *OK* используется в языке-доноре с целью выражения коммуникативных интенций согласия и одобрения, запроса разрешения, а также в функции маркера когезии публичного устного дискурса.

Анализ функционирования *о'кей (ОК)* в речи носителей современного русского языка показал, что его употребление характерно для ситуаций выражения импозитивно-ориентированного согласия (согласия на просьбу и предложение), с целью формулирования запроса разрешения, позволения (- *Я возьму вашу ручку, ОК?*), а также с целью подтверждения получения информации или принятия ее к сведению (- *Я задержусь. – ОК*).

С семантической точки зрения данное заимствование является немотивированным, однако его всемирная популярность не может быть объяснена исключительно данью моде или унификацией языкового пространства в эпоху глобализации. Простота и удобство использования, коммуникативная полифункциональность и скорость написания в рамках опосредованного техническими средствами общения обусловили функционально-прагматическую мотивированность данного заимствования. Высокая частотность его употребления соответствует ускоренному ритму существования человечества, удовлетворяя потребности индивида в осуществлении быстрой и эффективной коммуникации.

Наибольшие сложности в адаптации *ОК* в русской лингвокультурной среде вызвало его употребление в составе калькированного вопроса *Are you OK? – Вы в порядке?* Причиной первоначальной коммуникативной неудачи американского клише явились не только лингвистические факторы (отсутствие в семантике русской лексемы *порядок* соответствующего значения и дифференцированная синтагматика), но и логическая асимметрия в оценке однотипных объектов членами американского и русского социума. Тем не менее, постоянное тиражирование кальки в переводной голливудской и современной российской кинопродукции привело к ослаблению резистентности принимающей лингвокультурной среды. Контекстуальный анализ, дополненный данными анкетирования, продемонстрировал, что вопрос *Вы (ты) в порядке?* все чаще употребляется в ситуациях, не совместимых с укорененными в принимающей лингвокультурной среде этносоциологическими и лингвистическими нормами.

Основные изменения в области коммуникативных актов извинения связаны с внедрением в речевые практики носителей современного русского языка междометия *сорри*. Данное заимствование не является семантически мотивированным, функционирует спорадически в разговорной речи параллельно с формулами *простите / извините*, проявляя наибольшую активность в технически опосредованных формах коммуникации. Вхождение *сорри* в речь носителей русского языка начинается в 90-е годы предыдущего столетия и может быть связано с всплеском туристической активности россиян. В условиях интеракции туристов из различных стран американский интерьектив становится универсальным средством урегулирования конфликтогенных ситуаций. Отсутствие в русском языке дифференциации употребления глаголов *простите/извините* в рамках превентивного (фатического) и корректирующего сценариев извинения обусловило использование *сорри*

не только с целью восстановления нарушенной гармонии взаимоотношений, но и для привлечения внимания незнакомого человека.

Анализ дискурсивно-ситуативных условий функционирования *сорри* в современном русском языке свидетельствует о его преимущественном употреблении в рамках виртуального общения, в условиях которого заимствование *сорри* представляется мотивированным с точки зрения его более краткой по сравнению с русскими аналогами формой. Чаще всего *сорри* используется как средство метакоммуникативного извинения (*сорри за новояз, сорри за каламбур* и т.п.). В качестве основного каузатора выступает нарушение коммуникантами максимы релевантности, заключающееся в отклонении от темы дискуссии (*сорри за оффтоп*). Все более популярной формой в рамках официального общения становится употребление калькированного вопроса *Sorry? – Простите* с целью переспроса или уточнения информации.

Значительным изменениям под влиянием английского языка подверглись коммуникативные акты прощания. Заимствованные в данной области этикетные междометия делятся на общеупотребительные и узкопрофессиональные (масс-медийный этикет). К первой группе относятся адаптированные к русскому синтаксису клише *хорошего (приятного, удачного) дня, вечера,* калькированные обороты *увидимся, будем на связи, в контакте* и т.п.

Введенное в 1920 году в США в качестве обязательной для продавцов этикетной формулы завершения трансакции пожелание *Have a nice day!* приобрело впоследствии всемирную популярность в связи с экспансией американских супермаркетов. Внедрение данного клише в речь носителей современного русского языка прошло путь от коммерческого использования до всеобщего употребления в ситуации расставания. Калькирование оборота, включающего пожелание приятного проведения предстоящего времени, вызвало неоднозначное отношение лингвистов и носителей различных языков-реципиентов. В западных странах, в том числе в Великобритании, критике подвергается коммерческая составляющая, банальность формулировки, семантическая пустота слова *nice* и т.п.

Российские лингвисты указывают на несовместимость американской формулы прощания с характером концептуализации времени в русском языковом сознании [Зализняк, Шмелев 2012]. Отсутствие темпоральных конкретизаторов в свойственных русскому этикету речевых клише прощания следует также объяснить нерелевантностью данной формулы по отношению к идеологии предшествующей социально-экономической формации, в рамках которой отдельному индивидууму предписывалось не приятное времяпрепровождение, а созидание светлого будущего для последующих поколений. Присущий американским клише эксплицитный призыв к наслаждению жизнью здесь и сейчас отражает характерные для общества потребления ценности и создает условия для формирования соответству-

ющих гедонистических установок как необходимого условия успешного его функционирования (З. Бауман, Д. Белл и др.).

Рост популярности в речевом этикете, в первую очередь, деловом и неформальном, калькированной формы *see you – увидимся,* а также других клише, содержащих указание о намерении коммуникантов поддерживать контакт в реальной или виртуальной действительности *будем на связи, в контакте и т.п.,* можно признать мотивированным с точки зрения их соответствия важнейшим онтологическим измерениям существования современного человека, находящегося в состоянии постоянной связи с окружающей его внешней средой.

К узкопрофессиональным заимствованиям в данной коммуникативной сфере относятся распространенные в речи дикторов и телеведущих англо-американские кальки. Имплицитное признание российским телевидением наивысшей степени эффективности американской системы телевещания привело к механическому переносу в речевой этикет формул прощания, доказавших свою «эффективность» в процессе функционирования средств массовой информации США. Калькированные формулы-императивы *Не переключайтесь! Оставайтесь с нами! (Don't change the channel! Stay with us!)* содержат призыв продолжать потреблять продукцию данного телеканала и имеют ярко выраженную коммерческую направленность.

Неформальная формула прощания *Take care!* была переведена на русский язык как *Берегите себя!* Автоматическое, нерефлексивное использование ведущими медийных программ речевой этикетной формулы, обладающей в русском языке своей собственной ситуативной прагматикой, вызвало на этапе внедрения реакцию лингвокультурного отторжения. Многие российские лингвисты (М.А. Кронгауз, Г.Я. Солганик и др.) указывали, что в русском языке призыв *беречь себя* всегда предполагал наличие некоей угрозы или опасности и использовался преимущественно в ситуации расставания близких людей, тревожащихся и волнующихся друг за друга. Результаты проведенного анализа показывают, что высокочастотное употребление этикетной формулы *Берегите себя!* в новой прагматической ситуации преодолевает первоначальное сопротивление принимающей лингвокультурной среды и приучает членов российского этносоциума к новым, свойственным языку-донору конвенциям ее употребления.

Следствием вхождения России в глобальное социокультурное пространство явилось не только массовое тиражирование американских образцов медиапродукции, но и копирование стереотипов публичного поведения в рамках транслируемых многочисленных шоу. На смену институционально регламентируемому, сдержанному этикету поведения на культурно-развлекательных мероприятиях в период СССР пришли всемерно поощряемые формы свободного, нестесненного выражения внутренних эмоционально-оценочных состояний. Дисциплинарную социализацию сменила гедонистическая персонализация, направленная на эмоци-

ональное раскрепощение личности. Предназначенные для выражения коллективного восторга возгласы представляют собой слабо интегрированные в языковую систему вокальные жесты, с трудом поддающиеся графической фиксации.

В случае интенсивной положительной эмоции они напоминают вибрирующие, тонально восходящие звуки *yoyoyy*, в случае негативной оценки *у*-подобный, характеризующийся нисходящим тоном звук. Особый вокальный жест (*у-ху!*) стал конвенцией публичного выражения радостных эмоций в случае угадывания правильного ответа, удачного выступления, одержанной победы и т.п. Новая, основанная на реактивных эмоциональных выкриках, матрица поведения переносится на область повседневного общения, в первую очередь, в молодежной среде. В результате имеет место интеръективизация языкового национального сознания, возврат к реактивно-сенсорным, исключающим или ослабляющим действие когнитивных механизмов, формам эмоциональной оценки.

Усиление эмоционально-оценочной составляющей в речевом поведении носителей современного русского языка находит свое воплощение в изменениях системы средств интеръективной оценки. Наблюдается резкое повышение деривационной активности формантов латино-греческого происхождения *супер, гипер, мега, экстра, ультра*, используемых в качестве элементов со значением высшей, превосходной степени качества оцениваемого объекта. Стремление к максимальной интенсификации положительной оценки находит свое выражение в новом процессе – прагматизации формантов, служащих ранее средствами словообразования в научном и публицистическом дискурсе, а также в тенденции к их частеречной автономизации.

Наивысшая степень частеречной автономизации характерна для форманта *супер-*, функционирующего в речи носителей современного русского языка как междометие или наречие, предназначенное для выражения максимальной положительной оценки. Интеръективация префикса *супер-*, произошедшая одновременно во всех славянских языках, является результатом внутренних языковых процессов, не инициированных американским вариантом английского языка, в котором *super-* продолжает функционировать только в качестве префикса в составных наименованиях, имея слитное или раздельное написание (*superman, superjob, superhappy; super meal, super food*). Общей для всех глобализируемых языков является также тенденция к комбинированному употреблению всех аффиксов греко-латинского происхождения как автономного интеръективного средства оценки (*супер-мега-экстра*, *mega-super-hyper*).

Динамично протекающие в современном русском языке деривационные процессы представляют собой свидетельство активно формирующейся системы новых средств эмоциональной оценки. С одной стороны, стремление к предицированию объектам высшей степени качества отражает экономические принципы основанного на конкурентной борьбе рыночного общества, с другой стороны, свиде-

тельствует об усилении в процессах восприятия эмоциональной составляющей, представляющей собой важнейшее условие для формирования эгоистического гедонизма как системообразующей ценности, характерной для общества потребления.

В **заключении** представлены основные выводы исследования.

Разработана интеракционально-прагматическая теория междометия, основанная на сформулированном в работе принципе семиотической дихотомии дескриптивного и интеракционально-прагматического знаков. В рамках данной теории осуществлена типологизация междометий как различных интеракционально-прагматических классов, предложена классификация междометий с точки зрения теории речевых актов, описан механизм семиотической конверсии, лежащий в основе перехода знаменательных частей речи в междометия.

Разработана и верифицирована в практике исследования процедура отсроченного по времени двукратного анкетирования носителей языка, направленная на изучение семиозиса заимствуемого знака в его непосредственной динамике. Выявлены различия в способах интродукции в принимающую лингвокультурную среду дескриптивного и интеракционально-прагматического знаков, описаны дифференцированный механизм и результат их освоения интерпретирующим коллективом.

Определены структурные характеристики заимствованных междометий в языке-источнике и языке-реципиенте, выявлено их отличие от ближайших интеръективных аналогов в русском языке, установлены социолингвистические особенности их усвоения и функционирования в речи носителей современного русского языка. Охарактеризованы процессы функционально-семантической и частеречной трансформации, которым подвергаются заимствованные интеръективы в принимающем языке.

Определена роль англо-американских междометий в процессе репрагматизации картины мира носителей современного русского языка. Описаны функции, выполняемые конкретными интеръективами в формировании новой, соответствующей перенимаемой модели мировидения и мироустройства, эмоционально-аксиологической и культурно-поведенческой матрицы индивида и этносоциума.

Описаны перспективы использования положений разработанной теории, методики эмпирического исследования семиозиса и изученного прагматического потенциала заимствованных интеръективов в различных областях гуманитарного знания – этнопсихологии, эмотиологии, культурологии, психолингвистике, нейролингвистике, прикладной социологии и социологии коллективного поведения, а также в лингвоглобалистике как перспективном направлении изучения специфики англо-американских заимствований в период глобализации.

В **приложениях** представлены образцы анкет, используемых с целью наблюдения процесса семиозиса англо-американских междометий в современном русском языке.

Основные положения диссертации отражены в монографии и сорока одной статье автора общим объемом **28,5** п.л.:

Монография

Шкапенко Т.М. Основы интеракционально-прагматической теории междометия. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. 167 с. (10,5 п.л.).

Статьи в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ

1. *Шкапенко Т. М.* Речевые рефлексы со значением равнодушия в современном русском языке // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 8. Сер. Филологические науки. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 25 – 30 (0,5 п.л.).

2. *Шкапенко Т. М.* Функционально-прагматические особенности речевых актов со значением согласия в современном русском языке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8. Сер. Филологические науки. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 77 – 83 (0,5 п.л.).

3. *Шкапенко Т.М.* К вопросу категоризации специфических коммуникативных единиц // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 7. № 1. Санкт-Петербург, 2011. С. 222 – 226 (0,3 п.л.).

4. *Шкапенко Т.М.* Категория неопределенности в современных русских фразеорефлексах // Известия высших учебных заведений. Т. 2 (4) Сер. Филология и лингвистика. 2011. С. 290 – 293 (0,3 п.л.).

5. *Шкапенко Т.М.* Семантическая диффузность в двуязычном аспекте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8. Сер. Филологические науки. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 42 – 47 (0,4 п.л.).

6. *Шкапенко Т.М.* Функционально-прагматические особенности ассонансных фразеорефлексов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8. Сер. Филологические науки. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. С. 49 – 54 (0,4 п.л.).

7. *Шкапенко Т.М.* К проблеме лингвистической категоризации междометий // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Научный журнал. 2. Т. 7, 2016. С. 141 – 146 (0,5 п.л.).

8. *Шкапенко Т.М.* К проблеме семиозиса заимствованного знака // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология, педа-

гогика, психология. № 3. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 18 – 25 (0,5 п.л.).

9. *Шкапенко Т.М.* Интерьективизмы как объект междисциплинарного исследования // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования). Калининград: Изд-во БГА РФ. № 3 (37), 2016. С. 26 – 31 (0,4 п.л.).

10. *Шкапенко Т.М.* Междометия как средство формирования эмотивной компетенции в процессе обучения иностранному языку: к постановке проблемы. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11. Ч. 3. С. 188 –189 (0,3 п.л.).

11. *Шкапенко Т.М.* К проблеме перформативности междометий // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (28). Брянск, 2016. С. 219 – 222 (0,4 п.л.).

12. *Шкапенко Т.М.* Англо-американское междометие «вау» в современном русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». М., 2016. Т. 15, № 2. С. 141 – 149 (0, 6 п.л.).

13. *Шкапенко Т.М.* К проблеме определения знакового статуса междометий // Вестник Марийского государственного университета. Йошкар-Ола, 2016. № 4 (24). С. 107 – 111 (0,4 п.л.).

14. *Шкапенко Т.М.* Обсценная лексика: о когнитивных механизмах табуизации слов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 4. Тольятти, 2016, Т. 2. С. 67 – 71 (0,5 п.л.).

15. *Шкапенко Т.М.* К проблеме описания междометий в свете теории речевых актов // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2017, № 3 (180). С. 42 – 46 (0,4 п.л.).

16. *Шкапенко Т.М.* О прагматическом подходе к описанию междометий // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2017, № 1. С. 217 – 221 (0,4 п.л.).

17. *Шкапенко Т.М.* Коммуникативы в современном русском языке: теоретический и лингводидактический аспект // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. Калининград: Изд-во БГА, 2017, № 2 (40). С. 152 – 157 (0,4 п.л.).

18. Шкапенко Т.М., Милявская Н.Б. Англо-американские заимствования в речевом этикете носителей современного русского языка. Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Тольятти, 2017, № 3, т. 2. С. 131 – 137 (0,3 п.л.).

19. *Шкапенко Т.М.* О последствиях междометной американизации национального языкового сознания // Казанская наука. Казань: Казанский издательский дом, 2017, № 9. С. 79 – 82 (0,3 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

20. *Шкапенко Т.М.* К вопросу языковой категоризации эмоций // Исследования в области когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2000. С. 15 – 22 (0,5 п.л.).

21. *Шкапенко Татьяна.* К проблеме терминологического разграничения междометий и фразеорефлексов (коммуникативов) // Międzynarodowa terminologia językoznawcza. Warszawa: Wyd. Veda, 2010. S. 33 – 39 (0,5 п.л.).

22. *Шкапенко Т. М.* В поисках корней добра и зла // Слово.ру: балтийский акцент. Калининград, 2011. № 1–2. С. 77 – 84 (0,5 п.л.).

23. *Szkapienko Tatiana.* Проблемы синонимии в двуязычном аспекте. Acta Polono-Ruthenica XVI. Olsztyn: Wyd. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011. S. 441 – 445 (0,3 п.л.).

24. *Шкапенко Татьяна.* Когнитивные аспекты процесса заимствований // Zagadnienia kultury, języka i edukacji. Elbląg: Wyd. PWSZ, 2011. С. 51 – 58 (0,5 п.л.).

25. *Шкапенко Т.М.* Речевые рефлексы с неопределенными местоимениями // Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: сб. науч. тр. / Под ред. проф. С.С. Ваулиной. В 2 ч. Ч. 1. 2012. С. 58 – 62 (0,3 п.л.).

26. *Шкапенко Т.М.* Импорт американского лингвоконцепта “challenge // Auspicia, Рецензируемый журнал общественных наук. Прага: College of European and Regional Studies České Budějovice, Czech Republic – Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the Czech Republic, v.v.i. 2012. № 1. С. 85 – 90 (0, 5 п.л.).

27. *Shkapenko T.* Trust and Culture of Trust: Scientific Approaches to Defining and Measuring // Trust in Global Perspective. Szczecin: University of Szczecin, 2013. С.15 – 27 (0,8 п.л.).

28. *Шкапенко Т.М.* Лингвокультурология в контексте родственных лингвистических дисциплин // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи: монография / Под ред. д-ра фил. наук Л.Н. Михеевой. Иваново: Изд-во Ивановского государственного химико-технологического ун–та, 2014. С.102 – 111 (0,7 п.л.).

29. *Шкапенко Татьяна.* Проблема перевода фразеорефлексов // Komunikacja międzykulturowa w swietle współczesnej translatologii, tom II, Kultura i Język. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2015. С. 184 – 195 (0,7 п.л.).

30. *Шкапенко Т.М.* Когнитивно-прагматический аспект заимствования англо-американских междометий славянскими языками // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы второй научно-практ. конф. (Москва, 24 – 25 апреля 2015 г.). Т. 1. М.: МГИМО–Университет, 2015 С.491 – 496 (0, 4 п.л.).

31. *Szkapienko Tatiana.* Kryzys narodowej tożsamości językowej w dobie globalizacji // Człowiek w obliczu krzyzysu. Elbląg: Wyd. PWSZ, 2015. S. 377 – 389 (0,8 п.л.).

32. *Шкапенко Т.М.* Англо-американский концепт «challenge» в славянских языках // International scientific review. 2016. № 4 (14). С. 135 –137 (0,2 п.л.).

33. *Шкапенко Т.М.* «Ты можешь!», или модальность нашего времени // Категория модальности в речевой коммуникации: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 33 – 39 (0,4 п.л.).

34. *Шкапенко Т.М.* К проблеме процедурально-инференциального описания междометий // Язык и культура: сб. материалов XXIV международной научно-практ. конф. / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2016. С.70 –76 (0,4 п.л.).

35. *Szkapienko Tatiana.* Angloamerykańskie interiekcje w języku polskim i rosyjskim // Materiały Międzynarodowej konferencji naukowej „Zmiany w językach słowiańskich. Lódź, Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. S. 15 – 24 (0,6 п.л.).

36. *Шкапенко Т.М.* К проблеме семиозиса заимствованного интерьективного знака // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 14, № 4. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. С. 43 – 51 (0,5 п.л.).

37. *Шкапенко Т.М.* Филологические исследования // Wokół 300 tysięcy polskich słów. Wstęp do słownikologii. Monografia pod. Red. Prof. J. Warzyńczyk, prof. Piotr Wierzchoń. Warszawa, BEL Studio, 2017. С. 301 – 307 (0, 4 п.л.).

38. *Шкапенко Т.М.* Междометия как объект заимствований в синхро-диахронической перспективе // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Третьей научно-практ. конф. (Москва, 24– 25 марта 2017 г.). Т. 1. С. 714 – 720 (0, 4 п.л.).

39. *Шкапенко Т.М.* Англо-американские заимствования в коммуникативных актах извинения // Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-

практической конференции, Белгород: ООО «АПНИ», 2017. С. 46 – 49 (0,2 п.л.).

40. *Шкапенко Т.М., Милявская Н.Б.* Понятие англосемантизма в теории заимствований: к постановке проблемы // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2017. № 9(43). С. 22 – 25 (0,2 п.л.).

41. *Шкапенко Т.М.* К вопросу о роли языка-донора в лингвокультурной глобализации // Язык и культура в условиях глобализации: материалы I международной научно-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 140 – 146 (0,4 п.л.).

Шкапенко Татьяна Михайловна

Интеракционально-прагматические функции междометий
(на материале заимствованных англо-американских интерьективов
в современном русском языке)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 28.12.2017 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 2,5
Тираж 100 экз. Заказ 311

Отпечатано полиграфическим отделом
Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6.